

Базар мейданы («Рыночная площадь»), где велась торговля с купцами из зарубежных стран. Сохранила свое название улица Матросов (*Street dənizçilərini*), на которой временно селились матросы с русских торговых кораблей. Русские монеты в основном обнаруживаются в Баку и близлежащих к нему местах Апшеронского полуострова.

Примечания

¹ *Бартольд В. В.* История Туркестана. Ташкент, 1922. С. 48. (Тр. Туркест. гос. ун-та; Вып. 2).

² *Костомаров Н. И.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб., 1862. С. 259; *Фехнер М. В.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1952. С. 22. (Тр. ГИМ; Вып. 21).

³ *Расулова М. М.* Торгово-экономические и культурные связи Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром: IV в. до н. э. — III в. н. э. Баку, 2008. С. 23–29.

⁴ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3. СПб., 1898. С. 118–119.

⁵ *Олеарий А.* Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870. С. 796; *Гейдаров М. Х.* Торговля и торговые связи Азербайджана в позднем средневековье. Баку, 1999. С. 64–69; *Фальсефи Н. Зендеган-е шах Аббаса Аввал, джелде дованом. Тегеран, 1942 (на фарси).* С. 153–154.

⁶ Памятники... Т. 3. С. 24, 39–40.

Д. В. Лисейцев

ТОРГОВЫЕ ЛЮДИ МОСКОВСКОЙ РУСИ В ЭПОХУ СМУТЫ НАЧАЛА XVII в.

Смутное время стало тяжелым испытанием для каждого из «чинов» Московского государства. Люди «торгового чина» вместе со страной переносили тяготы Смуты и вносили свой вклад в дело ее преодоления, несмотря на сложные для занятия торговлей условия. Нестабильность экономической ситуации иллюстрируется хлебными ценами начала XVII в., которые, и ранее не отличаясь стабильностью, в условиях Смуты демонстрировали огромную несбалансированность. В последнее десятилетие XVI в. стоимость ржи в Москве колебалась от 18 до 40 денег за четверть (за усредненную цену примем 15 коп.)¹. Во время голода 1601–1603 гг., по свидетельству иностранцев, бочка ржи (вмещающая 4 четверти) стоила в Москве от 10 до 19 талеров (или флоринов)², т. е. примерно от 1 руб. 67 коп. до 3 руб. 20 коп. за четверть. Следовательно, цены на хлеб выросли примерно в 10–20 раз (а не в 80–160, как писали иноземцы, в 6–7 раз занижавшие в своих сочинениях обычную стоимость хлеба). В Соли Вычегодской в конце 1601 г. четверть ржи прода-

валась за 1 руб. Осенью 1602 г. рожь, хранившаяся на дворе царя Симеона, была продана по 80 коп. за четь. В 1601/02 г. «был во всей Руской земле глад великой: ржи четверть купили в три рубли»³.

Цены на хлеб оставались высокими и по завершении голода. В июле 1607 г. за четь ржи давали 48 коп., а к октябрю она подешевела до 33 коп., что вдвое превышало цены московского региона конца XVI в. и соответствовало уровню неурожайных лет. По свидетельству И. Массы, в 1609 г. в Вологде четверть ржи стоила 1 гульден (примерно 22 коп. — средняя стоимость ржи в этом регионе в последнем десятилетии XVI в.). В то же самое время в осажденной Москве рожь стоила более 6 руб. за четверть⁴.

Хлебные цены оставались высокими и на завершающем этапе Смуты, хотя в разных регионах они колебались в широких пределах. В Нижнем Новгороде в 1618 г. четверть ржи покупали по 10 алтын⁵. В июне того же 1618 г. гость Н. Светешников закупил в Ярославле 1000 четей ржи за 600 руб., т. е. по 60 коп. за четь⁶. Во Ржеве Володимеровой к концу 1618 г. четверть ржи стоила 80 коп.⁷ В Москве в 1618 г. за четь ржи давали 31,5 коп.; к апрелю 1619 г. четь ржи на торгу в Москве стоила 42 коп. В Шацке же в начале 1619 г. четь ржи стоила существенно дешевле — 20 коп., что соответствовало уровню хлебных цен до Смуты⁸.

Нестабильная ситуация на рынке затрудняла ведение торговых операций, но порождала и соблазн заняться торговлей. И если специалисты по истории Смуты констатируют, что в условиях гражданской войны в России шло интенсивное «оказачивание» населения, то можно отметить и иной процесс — активное вовлечение людей в торговые операции. Не были исключением и помещичьи крестьяне. В 1609/10 г. «даны были на Вологду на посад в тягло розных волостей торговые люди, а ныне отданы по нашему указу помещиком, где хто жил»⁹.

Верхушка торгового люда Московского царства регулярно привлекалась к выполнению государственных повинностей. Обычной службой для нее было исполнение обязанностей таможенных и кабацких голов, что приносило казне немалую прибыль. Гости Михаил Смывалов и Дмитрий Ларионов, служившие в 1615/16 г. таможенными головами в Архангельске, «учинили прибыли» государевой казне на 3200 руб.; гость Иван Сверчков, служа в Нижнем Новгороде, обогатил казну почти на 4500 руб.¹⁰ Иногда торговые люди выполняли экстраординарные поручения. В частности, в 1618 г. гость Н. Светешников в Ярославле участвовал в сборе «запросных денег»¹¹. Московские торговые люди привлекались к участию в действиях церемониального характера. Гости и члены Гостиной и Суконной сотен присутствовали на свадьбе Лжедмитрия I в мае 1606 г.¹² Во время следования иностранных посольств на переговоры в Кремль гости должны были в «чистом платье» стоять вдоль маршрута следования дипломатов; приглашали гостей и на царские пиры в честь иностранных послов¹³.

В условиях Смуты все политические силы обязательно брали в расчет торговое население страны. Обращения к гостям и торговым людям, а также апелляции к их волеизъявлению встречаются в грамотах, составленных правительствами Годуновых, Лжедмитрия I, Василия Шуйского, «семибоярщины», I и II Ополчений¹⁴. Торговые люди заметны среди участников Земского собора 1613 г. Из 11 посадских представителей Нижнего Новгорода минимум трое (Ф. Марков, Т. Андреев и Я. Патокин) относились к числу торговых людей и владели лавками на Гостином дворе, Мясном и Соляном рядах. Торговыми людьми на соборе была представлена Калуга: «От Колуги же и от Северских градов о избрании царя... принесено бысть писание к Москве... колуским гостем Смирным Судовщиковым с товарищи». При составлении «Утвержденной грамоты» Михаила Романова калужские торговые люди приложили руки за «всех колуских посадских выборных людей»¹⁵. Торговые люди названы среди составителей грамот, извещавших города о выборе царем Михаила Федоровича, а новоизбранный монарх свои послания адресовал также и гостям и торговым людям¹⁶. Вместе с тем нельзя не отметить следующего факта: в «Утвержденной грамоте» царя Бориса Годунова имена торговых людей записаны единым блоком, замыкая собой перечень лиц, утвердивших избрание на престол нового монарха. «Утвержденная грамота» царя Михаила Федоровича не выделяет торговых людей в отдельную группу¹⁷.

Решения центральной власти, которым старались придать вид соборного постановления, и в дальнейшем составлялись от имени «всех чинов» Московского государства, среди которых упоминались гости и торговые люди¹⁸. По вопросам, затрагивающим интересы торгового люда, правительство консультировалось с представителями купечества. В 1617 г. участники русско-английских переговоров выслушали «московских гостей и торговых людей, которые ходят торговать в Асторохань, ...и которые торгуют у Архангилского города» — всего более дюжины гостей и членов Гостиной сотни¹⁹.

Представители торговой верхушки рекрутировались на службу в приказный аппарат. К началу Смутного времени в Казенном приказе служили дьяки В. Тараканов, М. Коробейников и М. Булгаков — все трое — представители видных московских торговых семей; последний из них ранее был гостем. Коробейников и Булгаков продолжали служить до 1611 г., когда их по распоряжению короля Сигизмунда III заменили гости И. Юрьев и К. Скоробовицкий. Оккупационная администрация охотно предоставляла выходцам из торговой среды места в московских приказах. Гость И. Юрьев, например, в конце 1610 г. входил в состав комиссии по сыску казны царя Василия Шуйского. Торговый человек Б. Замочников получил назначение в Таможенную избу; К. Скоробовицкий королевским распоряжением был переведен в Новгородскую четверть. Там же в чине думного дьяка служил бывший купец С. Соловецкий. Самую блестящую карьеру в период оккупации сделал «торговый мужик Гостиной сотни» Ф. Андронов, пожалованный в думные дворя-

не и казначеи. Впрочем, за краткий карьерный взлет многие из купцов, принявших сторону польского короля, заплатили высокую цену: после освобождения Москвы от интервентов Б. Замочников и С. Соловецкий были замучены на пытках, а Ф. Андронов казнен²⁰.

Проникновение торговых людей в администрацию Московского царства не было новацией Смутного времени, однако чрезмерное усиление их позиций вызвало критику как противников оккупационного режима, так и его сторонников. Позднее российские дипломаты обвиняли польского короля во включении в состав приказной администрации «худых людей шишиморов, тому недостойных». О том же пятью годами ранее писал в грамоте к канцлеру Л. Сапеге боярин М. Г. Салтыков, недовольный влиянием «торгового мужа» Ф. Андронова (которого сравнивал с «веремеником» Василия Шуйского гостем М. Смываловым)²¹. Вхождение в руководство приказов выходцев из торговой среды всегда вызывало негативное отношение служилого люда. Казначей И. Татищев еще в конце XVI в. припоминал «великим дьякам» Щелкаловым их прадеда — барышника на Конской площадке²². Сын казначея Ю. Татищев около 1624 г. обращался к царю Михаилу Федоровичу с жалобой на казенного дьяка Ж. Шипова, завладевшего поместьем Татищевых в Суздальском уезде, указывая, что «за козенными дьяки, которые из гостей, и поместей не бывало»²³. Несмотря на это, правительство Михаила Романова продолжало пользоваться услугами бывших купцов в приказном управлении. В первые годы царствования этого царя Казенным приказом руководили бывшие члены Гостиной сотни дьяки Б. Милованов и Ж. Шипов. Сын последнего, А. Шипов, нес службу в Новгородской четверти²⁴.

Рядовые торговые люди не оставляли своих занятий в годы Смуты. Информацию о торговле в Москве в начале XVII в. можно почерпнуть в документах столичных приказов. Во время военных действий против войска Ивана Болотникова в 1606–1607 гг. Разрядный приказ закупал товары в столичных торговых рядах: Тележном, Седельном, Коробейном, Лапотном, Котельном, Железном, Замочном, Ветошном, Судовом, Оконничном, Дровяном, Свечном и Овощном. В Свечном ряду с октября 1606 г. по май 1607 г. закупки делались 47 раз. Для оценки стоимости «мягкой рухляди» Разряд привлекал торговцев из Пушного ряда. За 8 месяцев 1606/07 г. документы Разрядного приказа показывают контакты этого ведомства с купцами из 14 московских торговых рядов²⁵.

Сожжение Москвы в марте 1611 г. нанесло тяжелый удар по московской торговле. Некоторые московские купцы оказались в плену, как, например, «литовский полоненик московский торговый человек» Ю. К. Мыльников, вернувшийся в Москву лишь в конце 1615 г. Вдова московского торгового человека Гостиной сотни Марья Ужовкина около 1612 г. вышла замуж за казака. Сын «москвитина торгового человека» И. Игнатьев со времени «Московского разоренья» до 1618 г. ходил в казаках и был казнен за разбой²⁶.

Крупные торговцы искали безопасности в других городах. Члены Гостиной сотни Ужовкины перебрались во Владимир; гость Григорий Мыльников выбрал для жительства Ярославль; в Вологде нашли убежище московские торговые люди Цыбины и Левашовы; в Нижнем Новгороде водворились Твердиковы, Шиповы и Котовы²⁷.

Освобождение Москвы привело к быстрому восстановлению прежних рыночных структур. Свидетельство тому содержится в «Повести о Земском соборе 1613 года»: «И хожаше казаки во граде Москве толпами, где ни двинутся в базар [курсив мой. — Д. Л.]»²⁸. Пребывание в Москве большого войска привлекало торговых людей в столицу. С марта 1613 г. туда приезжают купцы из Ярославля, Костромы, Каширы, Нижнего Новгорода, Калуги. Торгово-промышленные операции крупнейших русских предпринимателей приобретают значительный размах. В январе 1614 г. Ж. Шипов с гостями М. Твердиковым и Н. Светешниковым, а также ярославскими торговцами П. Светешниковым и К. Борисовым получил разрешение на устройство соляных варниц в Костромском уезде²⁹. У ярославского гостя Г. Никитникова к концу Смуты был учужный откуп в Астрахани; он, как и Н. Светешников, в это время мог ссужать правительству до 1000 руб.³⁰

Постепенно восстанавливалась повседневная жизнь московского торгова. Уже весной 1613 г. в приказных документах обнаруживаются записи о закупках товаров в Ветошном, Москотильном, Лесном и Железном рядах³¹. Приказы закупали чернила, бумагу, свечи, коробы и дрова в Овощном, Свечном, Коробейном и Дровяном рядах. За октябрь 1614 — март 1615 гг. Посольский приказ потратил на приобретение чернил 30 коп., свечей — чуть более 5 руб., бумаги — около 19 руб., дров — 2 руб. 47 коп.³² Самые активные контакты с московскими купцами имел Казенный приказ. В расходной книге этого ведомства за 1618/19 г. встречаются упоминания о закупках товаров в 27 торговых рядах Москвы: Ветошном, Ветошном сапожном, Жемчужном, Женском, Завязочном, Золотном, Кафтанным, Кишном, Книжном, Кожевенном, Крашенинном, Лапотном, Лесном, Москотильном, Нитном, Овощном, Оконничном, Сапожном, Свечном, Серебряном, Скорнячном, Судовом, Суконном, Сурожском, Холщовом, Шапочном, Щепотинном³³. К перечню действовавших на исходе Смуты московских торговых рядов можно добавить также Гончарный, Епанечный, Иконный, Котельный, Медвяный, Пушной, Плетной, Рогозинный, Седельный, Зелейный, Соляной и Пряничный³⁴. Торговые ряды имели собственную администрацию: в июле 1615 г. староста Овощного ряда Максим Яблочников подал в Разряде память, перечислявшую имена торговых людей, ездивших с «красным питьем» в лагерь взбунтовавшихся казаков атамана Баловня³⁵.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что обстоятельства Смуты не могли не оказать влияния на дела торговых людей Московского царства. В условиях гражданской войны каждый из них выбирал свою ли-

нию поведения. Одни, подобно К. Минину, жертвовали свое состояние для спасения государства; другие, например, Ф. Андронов, шли на службу оккупационному режиму. Третьи, подобно балахнинским и ярославским купцам, старались держаться подальше от тех и других³⁶, сберегая и преумножая свои капиталы. Их позиция зафиксирована в сочинении Авраамия Палицына: «Видяще же москвичи погибель свою и на покаание к Богу не обращахуся, но радующеся в торзех многим прибытком и въздыхающе вси, но сребро любезно вси собирающе»³⁷. Между тем жизнь расставляла все по местам и, по мере затухания Смуты, восстанавливались прежние торгово-экономические отношения.

Примечания

¹ Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. С. 110, 111. — На севере, в Вологде и Великом Устюге в 1598–1599 гг. четь ржи покупали по 17,5–23,5 коп. (Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1571–1600 гг. М.; СПб., 2013. С. 531, 546, 562).

² Петрей П. История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнаружил Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 287; Буссов К. Московская хроника 1584–1613 гг. // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 34.

³ Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сб. док. М., 2003. № 3. С. 23, 24; № 4. С. 31; № 9. С. 38; № 16. С. 75.

⁴ Там же. № 18. С. 85; Флетчер Дж. О государстве Русском, или Образ правления русского царя... СПб., 1906. С. 11; Массе И. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. С. 147; Маньков А. Г. Цены и их движение... С. 109–111. — Цены на севере Московского государства даже в разгар Смуты оставались на прежнем уровне. В 1611 г. вологодский купец в Архангельске заплатил за 8 тыс. пудов соли по 4 коп. за пуд, что вполне соответствовало уровню цен до начала Смуты (Лисейцев Д. В. Тяжба торговых людей 1621 г. и неизвестная страница Смутного времени // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода: К 400-летию «Совета вся земля» в Ярославле: Материалы междунар. науч. конф. Ярославль, 6–9 июня 2012 г. М., 2012. С. 214). В некоторые годы конца XVI в. соль в Вологде продавалась и дороже, по 5,5–6,5 коп. за пуд (Приходо-расходные книги... С. 525, 526, 541, 542, 556–558).

⁵ РГАДА. Ф. 141 (ПДСЛ). Оп. 1. Д. 4 (1618 г.). Л. 199; Д. 2 (1619 г.). Л. 295.

⁶ Там же. Д. 2 (1619 г.). Л. 13–16.

⁷ Там же. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 14. Столбцы Севского стола. Д. 2. Л. 188.

⁸ Там же. Оп. 13. Столбцы Приказного стола. Д. 1 (1618 г.). Л. 46, 190, 207.

⁹ Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 4 (1618 г.). Л. 63.

¹⁰ Там же. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты). Оп. 2. Кн. 202. Л. 69 об.–70 об.

¹¹ Там же. Ф. 210. Оп. 14. Д. 2. Л. 114, 136.

¹² Там же. Ф. 159 (ПДНР). Оп. 2. Д. 142. Л. 4.

¹³ Посольская книга по связям России с Англией, 1614–1617 гг. / Сост. текста и указ., авт. вступ. ст. и коммент. Д. В. Лисейцев. М., 2006. С. 57, 91, 116, 248.

¹⁴ ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. № 32. С. 87; № 34. С. 89; № 35. С. 92; № 44. С. 101; № 67. С. 148–149; № 162. С. 277–278; № 164. С. 279; Акты времени правления царя Василия Шуйского. (19 мая 1606 г. — 17 июля 1610 г.). М., 1914. № 1. С. 1, 3; СГГД. Ч. 2. М., 1819. №. 198. С. 390; № 199. С. 391; № 228. С. 497; № 230. С. 501; № 242. С. 520; № 262. С. 547; № 277. С. 583; № 278. С. 588.

¹⁵ Н. Новгород в XVII веке: Сб. док. Горький, 1961. С. 61, 63, 91, 260–262, 299; Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 233; «Утвержденная грамота» 1613 года об избрании на царство Михаила Федоровича Романова // *Козляков В. Н.* Смута в России. XVII век. М., 2007. С. 521–522.

¹⁶ СГГД. Ч. 3. М., 1822. № 4. С. 11; *Морозова Л. Е.* Россия на пути из Смуты: Избрание на царство Михаила Федоровича. М., 2005. С. 344–346, 351.

¹⁷ ААЭ. Т. 2. № 7. С. 45; «Утвержденная грамота» 1613 года... С. 518–524.

¹⁸ ААЭ. Т. 3. СПб., 1836. № 26. С. 54; № 29. С. 65; *Веселовский С. Б.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1908. № 4. С. 96; № 7. С. 99; Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1626 гг. М., 2012. № 29. С. 168.

¹⁹ Посольская книга... С. 153.

²⁰ *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI — первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 32; АЗР. Т. 4. СПб., 1851. № DCCLI. С. 403; Смутное время Московского государства, 1604–1613 гг. Вып. 8: Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе, 1610–1611 гг. М., 1911. С. 77; *Лисейцев Д. В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 480, 481, 586, 589, 606, 623, 626, 683.

²¹ АИ. Т. 2. СПб., 1841. № 306 (I). С. 361; *Павлов А. П.* Гость и дьяк Михаил Смывалов: штрихи к биографии // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Второй междунар. науч. конф. (Курск, 2009 г.). Курск, 2009. С. 124.

²² Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 4, ч. 1. М., 1994. С. 62.

²³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Столбцы Московского стола. Д. 8. Л. 143.

²⁴ *Лисейцев Д. В.* Приказная система... С. 613, 634.

²⁵ Народное движение в России... № 21. С. 93–112.

²⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 278. Л. 54; Ф. 210. Оп. 11. Столбцы Новгородского стола. Д. 3. Л. 261; Оп. 13. Д. 8. Л. 280.

²⁷ *Лисейцев Д. В.* Тяжба торговых людей... С. 210; Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.). М., 1994. С. 20.

²⁸ Повесть о Земском соборе 1613 года // ВИ. 1985. № 5. С. 94.

²⁹ Документы Печатного приказа. С. 51, 110, 117, 205, 257, 258, 263, 340.

³⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 71. Л. 41 об.–42, 119–121; Ф. 141. Оп. 1. Д. 2 (1619 г.). Л. 69. — В конце 1618 г. с жителей Ярославля собрали 3311 руб. «запросных денег». В то же время с одного лишь гостя Светешникова было взято 1000 р. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Д. 2. Л. 114, 134, 136).

³¹ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. (Столпцы Печатного приказа). М., 1915. С. 10, 29, 76.

³² РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. Л. 2, 3, 5, 7, 9–11, 13, 14, 16, 19–23.

³³ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 71. Л. 148 об., 149, 150, 154 об., 155, 156 об., 160 об., 166, 167, 167 об., 168, 170, 170 об., 171 об., 173, 181 об., 182, 193 об., 199 об., 207, 212–213 об., 214, 235, 240 об., 242 об., 248 об., 250–251, 253 об., 262.

³⁴ Там же. Ф. 210. Оп. 13. Д. 2. Л. 39, 52; Ф. 396. Оп. 2. Кн. 201. Л. 124; РИБ. Т. 28. М., 1912. Стб. 91, 113, 116, 224, 227, 249, 267, 308, 319, 526, 547, 552, 553, 555–557.

³⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 2. Л. 191, 192.

³⁶ К. Минин был даже вынужден угрожать отсечением рук балахнинским купцам, а ярославских торговцев взять под арест, поскольку те не желали жертвовать своих средств на нужды II Ополчения (*Козляков В. Н.* Смута в России. С. 379, 382, 383).

³⁷ Сказание Авраамия Палицына. С. 113.

А. А. Селин

ТОРГОВЫЕ ЛЮДИ НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО В 1615–1617 гг.: В ПОИСКАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОРИЕНТИРА *

Политическая ситуация, сложившаяся в Новгороде Великом после срыва присяги всего города королю Густаву Адольфу, инициированной Э. Горном, создала атмосферу страха, волнения и ожидания во всех слоях уже немногочисленного новгородского общества. Позднейшие нарративные памятники, в первую очередь Новый летописец, рисовали сусальную картину: большинство новгородцев, отказавшись от присяги, обрекли себя, вместе с «богомольцем Исидором» на страдания, храня верность царю Михаилу Федоровичу, лишь меньшая часть новгородцев, не устояв перед лишениями, пошло на присягу королю Густаву Адольфу. Эти, часто неназываемые, малодушные изменники, позднее встали на путь предательства и остались за границей.

Однако ситуация была сложнее. Решение о том, чтобы остаться в шведском подданстве большинством новгородцев, вероятно, принималось в самый последний момент, часто вследствие прямого насилия или шантажа со стороны деятелей последних шведских оккупационных властей. Мне уже приходилось подробно рассматривать вопрос о том, кто из новгородских служилых людей персонально присягнул Густаву Адольфу в 1615 г. Многие из них позже оказались на царской службе и занимали на ней видные посты. Здесь уместно обратить внимание на новгородский торговый люд, то, как он отнесся к данной присяге и на основные стратегии его поведения в последующие полтора года после Пасхи 1615 г.

Я уже писал о двух братьях Иголкиных, новгородских торговцах, чья роль в деле переговоров новгородского общества со шведскими политиками беспрецедентна¹; однако оба брата Иголкины вместе с архимандритом Никандром и другими участниками его посольства в 1615 г. оказались в Москве, захваченные псковскими казаками в Суйде (примерно в те дни, когда в Новгороде был поставлен вопрос о присяге Густаву Адольфу).